

УДК: 791.3
[10.69975/2074-0832-2026-67-1-69-81](https://doi.org/10.69975/2074-0832-2026-67-1-69-81)

Научная статья | Research article

Н. Бердяев об этико-эстетических аспектах феномена техники и кинематографа

И.П. Никитина¹

Всероссийский государственный университет кинематографии
им. С.А. Герасимова (ВГИК), 129226, Россия, Москва, ул. Вильгельма Пика, 3.
ORCID: 0000-0002-5654-191X
nikitina_ip@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье представлен анализ взглядов выдающегося русского философа Н.А. Бердяева на растущее доминирование техники в жизни современного человека. Описаны и проанализированы некоторые аспекты этой проблемы, которых касается русский философ в своих трудах, в частности, такие как влияние техники на искусство (кинематограф), воздействие технизации жизни на естественную природу человека, влияние техники на религиозное сознание человека, формы ведения войны и т. п. Некоторые идеи Бердяева сопоставляются с взглядами на растущую технизацию жизни человечества других русских и зарубежных философов, в частности М. Хайдеггера, Н. Федорова, Г. фон Вригта.

ключевые слова

техника, русская философия, искусство, кинематограф, религия, цивилизация, искусственный интеллект

для цитирования

Никитина И.П. Н. Бердяев об этико-эстетических аспектах феномена техники и кинематографа // Вестник ВГИК. 2026. Т. 18, № 1. С. 69–81.
<https://doi.org/10.69975/2074-0832-2026-67-1-69-81>

¹ **Никитина Ирина Петровна**

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории и философии ВГИКа.
AuthorID: 72159

© И.П. Никитина, 2026

N. Berdyaev on the Ethical and Aesthetic Aspects of the Phenomenon of Technology and Cinema

Irina P. Nikitina¹

Russian State University of Cinematography n. a. S. A. Gerasimov (VGIK),
3 Wilhelm Pieck Str., Moscow, 129226, Russia.

ORCID: 0000-0002-5654-191X

nikitina_ip@mail.ru

ABSTRACT

The article investigates the views of N.A. Berdyaev, a prominent Russian philosopher, on the growing dominance of technology in modern human life. It describes and analyzes several aspects of this problem addressed by the philosopher in his works, including the influence of technology on art (filmmaking), the impact of the technologization of life on human nature, the influence of technology on religious consciousness, forms of warfare, etc. Some of Berdyaev's ideas are compared with the views on the growing technologization of human life held by other Russian and foreign philosophers, including M. Heidegger, N. Fedorov, and G. von Wright.

keywords

technology, Russian philosophy, art, cinema, religion, civilization, artificial intelligence

for citation

Nikitina I.P. N. Berdyaev on the Ethical and Aesthetic Aspects of the Phenomenon of Technology and Cinema. *Vestnik VGIK*, vol. 18, no. 1, 2026, pp. 69–81. (In Russ.)

<https://doi.org/10.69975/2074-0832-2026-67-1-69-81>

¹ **Irina P. Nikitina**

Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department History and Philosophy, Russian State University of Cinematography n. a. S.A. Gerasimov (VGIK). AuthorID: 72159

Кинематограф свидетельствует о силе реализации, присущей современной технике.

Н.А. Бердяев

Чем глубже задумываемся мы о существовании техники, тем таинственнее делается существо искусства.

М. Хайдеггер

Каким должно быть наше отношение к прорывным техническим достижениям? Этим вопросом философы, ученые, художники задавались на протяжении веков. Достаточно вспомнить такие имена, как Т. Мор, Ф. Бэкон, К. Маркс, М. Бакунин, П. Кропоткин, Н. Федоров и многие другие.

Глубокий и неоднозначный ответ на этот вопрос предложил выдающийся русский философ Николай Бердяев в середине XX века. А мы в начале XXI века вполне обоснованно вслед за Бердяевым можем сказать, что вопрос о технике (а сейчас уже и об искусственном интеллекте) стал вопросом о будущем человечества.

Николай Александрович Бердяев (1874–1948) прошел долгий путь становления как философа от увлечения марксизмом в молодые годы до обсуждения проблем философии личности и свободы в духе религиозного экзистенциализма и персонализма. Образный, афористичный стиль работ Н.А. Бердяева, романтический пафос его мирозерцания сделали его сочинения популярными во всем мире. Основными направлениями философствования Н.А. Бердяева принято считать этико-эстетическое, религиозно-мистическое, историософское и персоналистическое. Главной линией

в философии Бердяева всегда была тема свободы и творчества.

В ракурсе именно этих категорий Н.А. Бердяев рассматривает феномен техники в своей работе «Человек и машина» (1948). Данная статья не была случайной в творчестве философа, она явилась ответом на глобальные изменения, происходящие в мире, вследствие чего вопрос о технике приобрел экзистенциальное значение для всего человечества. Как писал сам Н.А. Бердяев: «Вопрос о технике стал вопросом о судьбе человека и судьбе культуры» [1, с. 147]. Особенно важно было осмыслить феномен техники в условиях, когда стала формироваться так называемая концепция технократии, утверждающая главенствующую роль в социальной жизни инженерно-технической интеллигенции и обосновывающая идею, что под воздействием «технологической революции» капитализм постепенно сменится «обществом управляющих». Развитие общества стало пониматься, прежде всего, как развитие техники, технологических процессов, поэтому для характеристики социального развития приемлемыми стали считаться технические категории, например, такие как «техносфера», «технологический детерминизм» и др.

Для религиозного философа, каковым был Н. Бердяев, очевидно, что наступила эпоха не только ослабления старой религиозной веры, но и гуманистической веры XIX века. Но поскольку человечество не может жить без веры и чуда, постепенно формируется новая вера — вера в технику, в ее безудержное развитие и мощь. Техника, по мнению Бердяева, не только объект новой веры, но и безоглядной любви человека к этому своему творению, ради которого он готов изменить даже свой образ.

Русский философ обнаруживает два основных отношения к технике в обществе. Он имеет в виду, конечно, прежде всего, отношение христиан, но, несомненно, его выводы можно распространить на большинство людей, независимо от их религиозных убеждений. Одна часть человечества, скорее всего, большая, считает технику духовно нейтральной, относящейся только к практической стороне жизни, приносящей нам комфорт и безопасность. Другая сторона «испытывает ужас перед ее возрастающей мощью над человеческой жизнью» [1, с. 148]. Оба взгляда являются достаточно поверхностными, не проникая в метафизическую сущность проблемы. И Бердяев в своем исследовании пытается найти наиболее приемлемый для человечества взгляд на технику и ее оценку. Важно заметить, что спустя шесть лет после написания Бердяевым статьи «Человек и машина» немецкий философ Мартин Хайдеггер в статье «Вопрос о технике» (1954), также пытаясь определить сущность техники, отмечает, что, понимая технику как нечто нейтральное, мы оказываемся у нее в плену и остаемся совершенно слепыми в попытке определить ее сущность. «Мы поэтому никогда не осмыслим своего отношения к сущности техники, пока будем просто думать о ней, пользоваться ею, управляться с нею или избегать ее. Во всех этих случаях мы еще рабски прикованы к технике, безразлично, энтузиастически ли мы ее утверждаем или отвергаем» [9, с. 221]. Очевидна перекличка и близость взглядов двух выдающихся философов на необходимость осмысления места и значения техники в мире современного человека.

ЦЕЛИ И СРЕДСТВА ЖИЗНИ

Для того чтобы проникнуть в метафизическую сущность техники, Бердяев рассматривает несколько проблем, связанных с нею. Для начала он предлагает посмотреть на технику в более широком и в более узком смысле, с одной стороны — как на индустрию, с другой стороны — как на искусство. И в полемике с Освальдом Шпенглером (*Der Mensch und die Technik*, 1931) [10], который утверждал, что техника есть борьба, а не орудие, высказывает мнение, что «техника всегда есть средство, орудие, а не цель» [1, с. 148]. Примечательно, что другой немецкий философ М. Хайдеггер, продолжая спустя несколько лет эту дискуссию, настаивает на том, что необходимо «...разглядеть существо техники, вместо того чтобы просто оцепенело глазеть на техническое. Пока мы будем представлять себе технику как инструмент и орудие, мы застрянем на желании овладеть ею. Нас пронесет мимо сущности техники» [9, с. 236]. Хайдеггер согласен, что технику можно понимать как средство достижения человеком целей, но просто констатация этого факта, хоть и верного, не раскрывает вещь в ее существе. «Только там, где происходит такое раскрытие, — пишет Хайдеггер, — происходит событие истины. Поэтому просто верное — это еще не истина. Лишь истина впервые позволяет нам вступить в свободное отношение к тому, что задевает нас самим своим существом. Верное инструментальное определение техники, таким образом, еще не раскрывает нам ее сущности. Чтобы добраться до нее или хотя бы приблизиться к ней, мы должны, пробиваясь сквозь верное, искать истинного» [9, с. 235].

Итак, по Бердяеву, цель жизни человека лежит вне сферы техники, техника может использоваться лишь как средство для достижения цели, но ни в коем случае не подменяться ею. Цели жизни находятся вне сферы материального, а уж тем более технического. Но, к сожалению, в нашу техническую эпоху средства и орудия, просто делающие нашу жизнь более комфортной, становятся для многих людей смыслом и целью жизни. Бердяев, осуждая такой взгляд на технику, тем не менее делает весьма разумную оговорку. Он допускает, что для ученых и инженеров научные открытия, создание новых механизмов и технологий могут стать главным смыслом их жизни, поскольку их творческая деятельность относится к сфере духовной жизни. Но для сущности человека как такового техника абсолютно инородна.

Интересные параллели Бердяев проводит между марксизмом с его культом экономической жизни общества и техницизмом, предлагающим определение человека как *homo faber*. Несомненно, что и экономика, и техника являются важнейшим основанием жизни общества, активно влияющим на интеллектуальные и идеологические настроения. Однако, как пишет Бердяев, «то, что является наиболее сильным по своей безотлагательности и необходимости, совсем не является от этого наиболее ценным. То же, что стоит выше всего в иерархии ценностей, совсем не является наиболее сильным» [1, с. 149]. Да, сила техники несомненна и неоспорима, но это не делает ее высшей ценностью в жизни человека.

Несмотря на то что вопрос о технике был остро поставлен в эпоху господства рационально-прагматического мировоззрения, Бердяев уверен, что романтиче-

ское мироощущение свойственно человечеству перманентно и связано с культом природно-органического элемента в культуре и страхом перед возможным господством технического. «Возврат к природе есть вечный мотив в истории культуры, в нем чувствуется страх гибели культуры от власти техники, гибели целостной человеческой природы» [1, с. 149].

ТЕХНИКА И ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА

Еще один вопрос, который волнует Бердяева в контексте размышления о сущности техники, — это проблема изменения природы человека под влиянием механизации жизни. Действительно, на протяжении многих веков человек жил в растительно-животном мире природы и во многом зависел от нее. Но постепенно пространство жизни человека начинает заполняться машинами, и появляется новая зависимость в жизни человека — технически-машинная. Эта зависимость, по мнению Бердяева, способна, если и не разрушить полностью природную сущность человека, то во многом ее преобразовать. Однако этот процесс будет мучительным, так как человек — растительно-животное существо, и, как пишет Бердяев, «...он не знает, в состоянии ли будет дышать в новой электрической и радиоактивной атмосфере, в новой холодной, металлической действительности, лишенной животной теплоты» [1, с. 151]. Во времена Бердяева экологический кризис еще не выглядел так угрожающе, как в начале XXI века, но Бердяев уже размышляет о возможных последствиях реакции природы и человека на изменения, которые несет технологическая система.

Негативное влияние техники, по Бердяеву, особенно велико на духовную жизнь и душевную организацию человека. Бердяев уверен, что технизация угрожает человеку и в первую очередь его эмоциональной сфере. «Душевно-эмоциональная стихия угасает в современной цивилизации. <...> Сердце с трудом выносит прикосновение холодного металла, оно не может жить в металлической среде. Для нашей эпохи характерны процессы разрушения сердца, как ядра души» [1, с. 156]. Русский философ отмечает влияние культа технического мировоззрения, безудержной любви к технике даже на литературу. Это происходит, конечно, не прямолинейно и не откровенно, но, по мнению Бердяева, он уже не находит «сердца, как целостного органа душевной жизни человека» даже у таких известных современных французских писателей, как Марсель Пруст и Андре Жид. Техническая цивилизация разрушает целостный эмоциональный порядок прежней культуры и прежнего человека, расщепляя его на интеллект и чувства и теряя при этом сердце.

Справедливости ради надо заметить, что Бердяев пытается развести два понятия «дух» и «душа» для того, чтобы дать более глубокую оценку влиянию техники на человека. Так, он уверен, что техника негативно влияет на душу человека, его душевность, но при этом неоднозначность процесса доминирования техники в обществе заставляет человека напряженно размышлять об этом процессе и его последствиях, «требует напряжения духовности» в поиске ответа на этот вопрос. Душа человека незащитна перед холодным металлом машин, но дух может оказаться достаточно сильным и превратить человека в космиурга (термин Бердяева),

способного преодолеть и устранить большинство ограничений, связанных с пространством и временем, присущих прежним эпохам. В качестве примера Бердяев приводит кинематограф. Бердяев называет наше время эпохой господства техники и сильного духа, но не эпохой душевности.

Еще один момент, связанный с господством техники в современном мире и негативно влияющий на человека, Бердяев видит в радикальном изменении отношения человека ко времени. Бесспорно, человек с помощью техники овладевает пространством и временем, но в то же время сумасшедшая скорость современной цивилизации не позволяет человеку остановиться и задержаться на одном мгновении, воспринять это мгновение как самоцель. Современный техницизированный человек мчится от мгновения к мгновению, устремляясь все дальше в потоке времени, при этом ни одно из мгновений не остается в вечности. Казалось бы, человек овладевает временем через все возрастающую скорость жизни, но эта скорость разрушает вечность и приводит к тому, что у современного человека не хватает времени задуматься о вечном. Бердяев уверен, что человеческая природа и в первую очередь его душа не в состоянии выдержать такой темп жизни. Постепенно человек превращается в человека-машину, потому что, как считает Бердяев, «техническая цивилизация по существу своему имперсоналистична, она не знает и не хочет знать личности. Она требует активности человека, но не хочет, чтобы человек был личностью. И личности необыкновенно трудно удержаться в этой цивилизации. Личность во всем противоположна машине» [1, с. 158].

ТЕХНИКА И ИСКУССТВО (КИНЕМАТОГРАФ)

Закономерным в контексте обсуждения влияния техники на искусство является обращение Бердяева к теме кинематографа. К моменту написания статьи русским философом кинематограф уже прочно вошел в жизнь современного общества и стал одним из наиболее бурно развивающихся видов искусства.

Бесспорно, что искусство создает новую реальность, которой никогда ранее не было в природе, и эта реальность насквозь пронизана символами. Можно даже утверждать, что само искусство как таковое является символом либо символизм является фундаментальной чертой искусства. Техника тоже создает новую реальность, — пишет Бердяев, — но, если искусство создает реальность, которая носит символический характер, отображая идейный мир, техника «создает действительность, лишенную всякой символики, в ней реальность дана тут непосредственно» [1, с. 152]. Естественно, что техника, лежащая в основе нового вида искусства — кинематографа, оказывает влияние и на искусство, во многом перерождая его. Так, именно с помощью техники стал вытесняться старый театр, благодаря ей происходило овладение пространствами, которыми совершенно бессилён был овладеть театр. Кинематограф открывает перед нами полную картину мира, всех его уголков, стран, городов, показывает жизнь разных народов, предоставляет нам возможность оказаться в центре военного сражения или глобальной природной катастрофы. Мы можем стать если и не участниками, то непосредственными наблюдателями глобальных мировых событий. Очевид-

но, что это влияет на восприятие человеком окружающего мира. В последнее время кинотехника стала активно внедряться и в театральную эстетику, когда режиссеры наряду с действием на сцене и традиционными театральными декорациями стали использовать демонстрацию на экране.

Из всех видов искусства именно кинематограф, возникший благодаря развитию науки и техники, способен обратиться к «огромным массам всего человечества, всех частей света, всех стран и народов» [1, с. 152]. Таким образом, благодаря технике возникло искусство, которое способно стать мощным орудием объединения человечества. Здесь уместно вспомнить позицию великого русского писателя и философа Л.Н. Толстого, который одной из главных задач искусства считал способность последнего объединять людей с помощью общих чувств, испытываемых художником и передаваемым им зрителям [7]. Однако, нужно признать, что это орудие объединения человечества может быть использовано как в благородных целях, так и в самых вульгарных и даже антигуманных. Достаточно вспомнить кинематограф гитлеровской Германии, в частности, фильмы Лени Рифеншталь, которые стали серьезным орудием в утверждении нацистской идеологии.

Тем не менее можно согласиться с Бердяевым в том, что благодаря технике возникает новый вид искусства, создающий действительность, радикально меняющую отношение человека к пространству и времени, и эта действительность «есть создание духа, разума человека, воли, вносящей свою целесообразность. Это действительность сверхфизическая, не духовная и не психическая, а именно

сверхфизическая. Есть сфера сверхфизического, как и сфера сверхпсихического» [1, с. 152]. Описание Бердяевым кинематографа его времени может показаться сейчас уже несколько архаичным, так как покорение пространства и времени средствами техники чрезвычайно прогрессировало благодаря появлению электронных средств массовой информации и коммуникации. Но русский философ очень глубоко описал важнейшую черту киноискусства, которая и в наше время является определяющей его чертой. Показательно, что немецкий философ М. Хайдеггер видел в технике путь (через сближение с искусством) к небывалому историческому величию человека. К сожалению, в трудах Бердяева мы не находим его размышлений по поводу такого мощного технического средства, как телевидение, изобретенного русским ученым В.К. Зворыкинским [5] еще в 30-х годах XX века. Но, видимо, тогда оно еще не настолько полно вошло в жизнь широких масс, скорее, было достаточно эзотерическим явлением, поэтому Бердяев и не обратил внимания на это мощное техническое средство.

ТРИ СТАДИИ

Интересной с точки зрения философии культуры и философии истории является идея Бердяева, что в истории человечества можно усмотреть три стадии: «природно-органическую, культурную в собственном смысле и технически-машинную» [1, с. 159]. Каждую из этих стадий он характеризует, используя два понятия «дух» и «природа». При этом, в отличие от марксизма и позитивиста Огюста Конта, он не рассматривает эти стадии в хронологическом, стадийном

ключе. Здесь он, скорее, является продолжателем цивилизационной концепции Н. Данилевского [4] и О. Шпенглера. Важнейшей характеристикой двух первых типов культур — природно-органической и культурной в собственном смысле слова — является наличие символики. Мир человечества периода двух первых стадий пронизан символами и аллегориями. Здесь будет уместно вспомнить исследование русского историка, культуролога Петра Михайловича Бицилли (1879–1953), в котором он утверждал, что «в Средние века люди не только говорили символами, но и иной речи, кроме символической, не понимали» [2, с. 24]. Известный медиевист П.М. Бицилли, исследующий культуру Средневековья, увидел эту черту прежде всего в культуре данной эпохи. Однако Бердяев распространяет это качество на всю домашинную цивилизацию. Третий же тип — технически-машинный, — по мнению Бердяева, чужд символики: «техника <...> чужда символики, она реалистична, она ничего не отображает, она создает новую действительность, в ней все присутствует тут. Она отрывает человека и от природы, и от миров иных» [1, с. 160].

Необходимо заметить, что Бердяев предлагает схему истории и культуры более реалистичную и жизнеподобную, чем схема французского мыслителя. В первой половине XIX века О. Конт предложил человечеству «великий закон» истории развития человечества, который он «открыл» по аналогии с физическими законами. Смысл его состоял в том, что «каждое из наших основных понятий проходит... <...> ...три теоретически различных стадии: стадию телологическую, или фиктивную; стадию метафизическую, или абстрактную;

стадию научную, или позитивную...» [6, с. 192]. Соответственно, в истории человечества можно выделить, по мысли Конта, теологическую, метафизическую и позитивную стадии. Более того, Конт распространяет этот «закон» и на развитие каждого отдельного человека, так в детстве каждый из нас теолог, в юности — метафизик, в зрелом возрасте — физик. Удивительно, что, борясь с метафизикой и абстрактным гипотетическим знанием, сам Конт создает абсолютно метафизическую конструкцию эволюции человечества, что противоречит его же позитивному методу. В отличие от Конта концепцию Бердяева, предложенную спустя 90 лет, можно рассматривать как достаточно соответствующую современным научным представлениям об этапах развития человечества.

ОРГАНИЗМ И ОРГАНИЗАЦИЯ

Бердяев рассматривает еще один аспект, который должен помочь сформировать адекватное отношение к технике. Этот аспект связан с различием таких феноменов, как организм и организация. Из естествознания мы знаем, что организм зарождается в природной среде и сам способен порождать себе подобных. Эта способность и есть главный признак организма. Организация же, или механизм, создается в процессе творческой деятельности человека и сама не способна что-то породить. Необходимо отметить, что Бердяев подобный вид деятельности человека, связанный с созданием организаций (механизмов), не считает высшей формой творчества. В отличие от организации (механизма), созданной человеком, организм не состоит из частей, он есть изначальная целостность, кото-

рая способна расти и развиваться. В нем присутствует цель или целесообразность, вложенная в него, как считает Бердяев, Творцом или природой. Механизм же, или организация (по Бердяеву), созданный человеком, состоит из отдельных частей, не способных расти и развиваться как целое. Именно человек-изобретатель закладывает в механизм определенную им самим цель.

Организм — это биологическое понятие. Организация же относится к социальной области. И мир искусственных предметов (организаций) радикально отличается от органического мира, созданного природой или Творцом. Долгое время человек считал, что объективный порядок природы является единственно возможным, с которым должна быть полностью согласована жизнь людей. Более того, природный порядок воспринимался человеком как абсолютно добрый, разумный и справедливый. Так считали люди Античности и Средневековья. Но примерно с конца XVII века, времени утверждения механицистского мировоззрения, вера в вечный и единственно возможный порядок природы разрушается. Несомненный интерес представляет замечание Бердяева о том, что даже такие концепции, как эволюционизм и натурализм, не покушались на вечный порядок природы, как это сделал механицизм. Эволюционизм признает изменения, но они происходят в рамках природной действительности. Натурализм, как он сложился во второй половине XIX века, признавал развитие в природе, но это развитие происходило в вечном порядке природы. Поэтому он особенно дорожил принципом закономерности процессов природы, которым гораздо меньше дорожит современная наука.

Мир техники, созданный человеком, не является продуктом эволюции, а следствием изобретательности и творческой активности самого человека, «не процесса органического, а процесса организационного». Именно в этом Бердяев видит смысл новой технической эпохи. *«Господство техники и машины есть прежде всего переход от органической жизни к организованной жизни, от растительности к конструктивности»* [1, с. 162]. И это — трагедия, по мнению русского философа, так как механизм способен будет восстать против своего творца и более ему не повиноваться. Бердяев уверен, что человек будет не в силах справиться с той мощной внутренней энергией механизмов, которую он сам же в них вложил. В подтверждение своего тезиса философ приводит множество примеров из истории, когда человека пытались заменить машиной, в частности, он упоминает систему Тейлора, которая являлась на тот момент крайней формой рационализации труда, в то же время превращающей человека в подобие машины, механизма. Бердяев правильно отмечает неоднозначность процесса рационализации и механизации жизни людей: с одной стороны, механизация облегчает труд человека и, казалось бы, должна привести к ликвидации нищеты, но, с другой стороны, порождает величайшее бедствие — безработицу.

ТЕХНИКА И ВОЙНА

Бердяев подчеркивает, что современные технологии дали человечеству возможность создавать средства ведения войны, многократно превосходящие по мощности те, что использовались ранее. Да, в прежние времена войны могли

быть более длительными, и 30, и 100 лет, однако они не были столь разрушительными, как современные войны, в результате которых можно уничтожить громадное количество людей, крупные города и даже поставить под угрозу существование в целом культуры и цивилизации. Как ни странно, удивляется Бердяев, ученым было легче создать отравляющие газы и ядерную бомбу, чем изобрести необходимые для здоровья человечества препараты для лечения, к примеру рака или туберкулеза. Как известно, взрывы первых ядерных бомб были произведены при жизни Бердяева, он знал о них и предупреждал о деструктивных возможностях постоянно эскалируемой военной промышленности. В статье «Человек и машина» он пишет, что «...техника дает в руки человека страшную силу, которая может стать истребительной. Скоро мирные ученые смогут производить потрясения не только исторического, но и космического характера. Небольшая кучка людей, обладающая секретом технических изобретений, сможет тиранически держать в своей власти все человечество. <...> ...Но когда человеку дается сила, которой он может управлять миром, и может истребить значительную часть человечества и культуры, тогда все делается зависящим от духовного и нравственного состояния человека, от того, во имя чего он будет употреблять эту силу, какого он духа» [1, с. 163]. Бердяев, по сути, поднимает здесь вопрос, который стал особенно насущным и обсуждаемым в конце XX века, а именно: необходимость связать политику с нравственностью. Этот гуманистический и в какой-то мере утопический проект, конечно, является сложно реализуемым, тем не менее ориентация политики на здравый смысл

и понимание того, что современное оружие способно уничтожить всю человеческую цивилизацию, вполне может стать ориентиром для современных политических элит.

ТЕХНИКА И РЕЛИГИЯ

Было бы большим упрощением полагать, что Бердяев выступает против технического прогресса. Он абсолютно объективно указывает на то, что жизнь в прошлом была связана с ужасающей эксплуатацией людей и животных и именно машина стала орудием освобождения от этой эксплуатации и рабства. Но при этом все увеличивающаяся роль техники в обществе ведет к определенным изменениям в типе религиозности. «Христианство, с которым связана судьба человека, поставлено перед новым миром, и оно еще не осмыслило своего нового положения» [1, с. 150]. Вопрос техники является для Бердяева вопросом религиозности. Но, как это ни парадоксально звучит, Бердяев считает, что эти изменения к лучшему. В техническую эпоху ослабевает традиционный бытовой тип религиозности, передающийся по наследству от родителей к детям в рамках одной нации, семьи или социальной группы. Это, можно сказать, пассивный тип религиозности, не связанный с самостоятельным и осознанным выбором человека. В новом же мире человек должен сделать выбор сам, самостоятельно прийти к Христу, выстрадать этот выбор, несмотря на все соблазны технической цивилизации. Это, по мнению Бердяева, не означает стремления к религиозному индивидуализму, так как в основе религиозного сознания изначально заложены такие качества, как соборность и коллективизм.

Примерно на полвека раньше Н. Бердяева над проблемой соотношения веры и технического прогресса размышлял другой выдающийся русский философ Николай Федоров (1829–1903), автор учения о философии общего дела [8]. В отличие от распространенного среди ортодоксальных христианских философов апокалиптического взгляда на технические достижения, Федоров воспринимает науку и технику как мощное орудие, с помощью которого можно гуманизировать мир. Природа, по законам которой человек смертен, несовершенна, поэтому люди должны овладеть стихийными силами природы и сделать социальную и даже космическую жизнь более гуманной. В Федорове удивительным образом сочетались глубокая религиозность и вера в науку и технику. Его концепция победы над смертью и возрождения всех умерших в целом не противоречит христианству, но основывается на глубокой вере в безграничные возможности науки и техники. Однако при этом Федоров не делал технику предметом поклонения, а призывал использовать ее лишь как величайшее орудие человечества в борьбе со стихийной, смертоносной силой природы. На первый взгляд, идеи Федорова кажутся фантастическими и противоречащими законам природы (достижение бессмертия людьми, восстановление из праха всех умерших предков), но надо помнить, что идеи, которые поначалу воспринимаются как абсурдные, способны порождать научные прорывы. Так, благодаря, казалось бы, парадоксальным воззрениям Федорова именно Россия стала первой космической державой. Его довольно абстрактные этические идеи и цели привели к выдающимся техническим открытиям и достижениям.

Иногда можно встретить утверждение, что взгляды Н. Федорова напоминают веру сторонников марксизма в научно-технический прогресс, который поможет человечеству перейти от царства необходимости к царству свободы. Очевидно, что это поверхностное суждение, так как в отличие от марксизма Федоров не связывал прогресс человеческой истории и торжество свободы и справедливости с социальной революцией, хотя и ненавидел «машинизм» современной капиталистической цивилизации.

Интересный и весьма глубокий анализ взглядов Бердяева дал в своей книге «Три мыслителя» известный финский философ, логик, коллега Людвиг Витгенштейна Георг Хенрик фон Вригт. Будучи поклонником русской культуры, он посвятил свое исследование трем великим русским мыслителям: Толстому, Достоевскому и Бердяеву. В эссе, посвященном Бердяеву, Вригт отмечает, что «... христианство Бердяева резко антропоцентрично. Центром религиозной картины мира является, скорее, человеческий индивид, чем трансцендентное божество. В этом пункте Бердяев является верным последователем Достоевского, который больше, чем кто-либо другой, питал философию Бердяева. Можно задаться вопросом о том, не является ли христианское мировоззрение обоих великих русских вопреки всему слишком гуманистическим, чтобы его можно было соединить с какой-либо из форм, в которых выступало историческое христианство. <...> Христианство в духе Достоевского

и Бердяева, которое поможет нам преодолеть кризис цивилизации, само является трансформированной формой христианства или новой религией» [3, с. 242–243].

Стиль философствования Бердяева, конечно, достаточно поэтичен и аллегоричен, вряд ли мы найдем в его рассуждениях безупречную аргументацию и доказательность, но ему нельзя отказать в глубоком интуитивном проникновении в сущность проблемы и убедительной образности мышления. И еще важно отметить, что, несмотря на достаточно опасливое отношение Бердяева к машине и в целом к технике, он не идет на поводу у ложной романтики, которая мечтает о возвращении к формам жизни дотехнологического общества. Более того, несмотря на довольно жесткую критику современного ему общества, Бердяев был настроен весьма оптимистично, но поддержку своему оптимизму он находил в надежде на религиозное пробуждение человечества. Важным является также запрос Бердяева на создание философии техники, но с учетом духовного опыта человечества, а не только рационального знания.

В заключение хотелось бы отметить, что сейчас, когда идет дискуссия о пользе и вреде искусственного интеллекта, об опасности использования его в сфере киноискусства, имеет смысл вновь обратиться к трудам выдающихся философов и ученых, размышлявших над этой проблемой задолго до появления искусственного интеллекта, и в частности к идеям русского философа Николая Бердяева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Человек и машина // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 147–162.
2. Бицилли П. Элементы средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. 244 с.
3. Вригт фон Г. Три мыслителя. Достоевский, Толстой, Бердяев. СПб., 2000. 254 с.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: АСТ, 2023. 704 с.
5. Кушнарев А.А. Владимир Зворыкин: «Изобретатель телевизора»: [биографические рассказы]. М.: Майор, 2018. 192 с.
6. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4. От романтизма до наших дней. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 880 с.
7. Толстой Л.Н. Что такое искусство? М: ЭКСМО, 2025. 320 с.
8. Федоров Н. Вопрос о братстве... М.: Хранитель АСТ, 2006. 544 с.
9. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие (статьи и выступления). М.: Республика, 1993. С. 221–237.
10. Шпенглер О. Человек и техника // Культурология XX век. Сборник статей. М.: Юрист, 1995. С. 454–492.

REFERENCES

1. Berdyaev, N.A. Chelovek i mashina [Man and Machine]. Voprosy` filosofii, no. 2, 1989, pp. 147–162. (In Russ.)
2. Bitsilli, P. E`lementy` srednevekovoj kul`tury` [The Elements of Medieval Culture]. Saint-Petersburg, Mifril Publ., 1995. 244 p. (In Russ.)
3. Wrigt fon G. Tri my`slitelya. Dostoevskij, Tolstoj, Berdyaev [Three Thinkers. Dostoevsky, Tolstoy, Berdyaev]. Saint-Petersburg, 2000. 254 p. (In Russ.)
4. Danilevskij, N.Ya. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. Moscow, AST Publ., 2023. 704 p. (In Russ.)
5. Kushnarev, A.A. Vladimir Zvory`kin: “Izobretatel` televizora”: [biograficheskie rasskazy`][Vladimir Zvorykin: “The Inventor of the TV”: biographical stories]. Moscow, Major Publ., 2018. 192 p. (In Russ.)
6. Reale, D., Antiseri, D. Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashix dnei [Western Philosophy from Its Origins to the Present Day]. Ot romantizma do nashix nej [From Romanticism to the Present Day], vol. 4. Saint-Petersburg, Petropolis Publ., 1997. 880 p. (In Russ.)
7. Tolstoy, L.N. Chto takoe iskusstvo? [What is Art?]. Moscow, E`KSMO Publ., 2025. 320 p. (In Russ.)
8. Fyodorov, N. Vopros o bratstve... [The Question of Brotherhood...]. Moscow, Xranitel` AST Publ., 2006. 544 p. (In Russ.)
9. Heidegger M. Vopros o texnike [The Question Concerning Technology]. Vremya i by`tie (stat`i i vy`stupleniya) [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow, Respublika Publ., 1993, pp. 221–237. (In Russ.)
10. Shpengler, O. Chelovek i texnika [Der Mensch und die Technik]. Kul`turologiya XX vek. Sbornik statej [Cultural Studies in the 20th Century. Collection of Articles]. Moscow, Yurist` Publ., 1995. P. 454–492. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted **12.01.2026**

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing **16.02.2026**

Принята к публикации / Accepted for publication **20.02.2026**